

всепутная история в романах

Виталий ГЛАДКИЙ

ВСАДНИК СЛОМАННОЕ КОПЬЕ

Виталий Дмитриевич Гладкий
Всадник Сломанное Копье
Серия «Всемирная история в романах»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35220110
Гладкий В.Д., Всадник Сломанное Копье: Вече; 2018
ISBN 978-5-4484-7188-9

Аннотация

Бесстрашный и ловкий воин Андреа Гатари по кличке Всадник Сломанное Копье отправляется в опасное путешествие, чтобы выкрасть из монастыря христианскую святыню, когда-то вывезенную из Константинополя. Не раз рискуя жизнью и преодолевая множество препятствий, Андреа сумел добраться до цели, но божественное провидение указало ему истинный путь...

Содержание

Об авторе	5
Пролог. Гибель империи	10
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виталий Гладкий

Всадник сломанное копьё

© Гладкий В.Д., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

* * *

*В остром копьё у меня замешан мой хлеб...
Лучших людей поглотила волна многошумного
моря.
Но и от зол неизбежных нам послано средство:
Стойкость могучая, этот божеский дар.*

Архилох, древнегреческий поэт. (VII в. до н. э.)

Об авторе

Виталий Дмитриевич Гладкий

Виталий Дмитриевич Гладкий родился 26 апреля 1947 года в селе Ярошовка на Сумщине (Украина) в казачьей семье.

Он прямой потомок последнего кошевого атамана Задунайской Сечи и наказного атамана Азовского казачества Йосипа Гладкого. Отец, Дмитрий Николаевич, прошел Великую Отечественную войну от ее начала и до Победы. Ранения и перенесенные им тяготы военного времени не дали ему дожить до своего века. Он умер в 1955 году, на тридцать восьмом году жизни, оставив на руках жены, Екатерины Григорьевны, восьмилетнего сына и двухмесячную дочь.

Война вообще оставила на семье В. Гладкого глубокие, кровоточащие зарубки. И не только Вторая мировая, но и Первая, 1914 года. Перед самой революцией в разведывательном поиске погиб прадед, гренадер-пластун, георгиевский кавалер. А в 1945 году погиб дед по материнской линии.

К труду Виталий Дмитриевич приобщился рано. Сначала пас общественное стадо, затем колхозных лошадей, а в двенадцать лет уже работал наравне со взрослыми: косил сено, возил зерно телегами на ток, строил дом и даже был помощником комбайнера.

Учился в основном на «отлично». По окончании восьми классов (1961) поступил в Глинский индустриальный техникум, который окончил спустя пять лет с дипломом техника-горняка. Затем поступил на вечернее отделение Донецкого политехнического института. Защитив диплом, ушел в армию. Служил авиационным техником в Красноярском крае.

Отслужив свой срок, вернулся в Донецк. В 1973–1978 го-

дах трудился на заводах Донбасса, пока не уехал на Колыму. Кто был на Крайнем Севере, тот никогда не забудет этот период своей жизни. Суровая природа не любит изнеженных обывателей. А Виталий Дмитриевич к таким и не принадлежал, поэтому прижился на Колыме легко и безболезненно. Работал газосварщиком на заводе по ремонту бульдозеров в городе Сусумане, штукатуром-маляром, плотником, бетонщиком, трудился в старательской артели, работал художником-оформителем и охотником-промысловиком. Строил мосты, промышлял белку и горностая, оформлял интерьеры ресторанов и кафе, мыл золото... Пробыл он в районах Крайнего Севера восемь с половиной лет.

Свою писательскую деятельность начал на Колыме в 1979 году. Первый его рассказ назывался «Колымская бьель». Он был напечатан в районной газете «Горняк Севера». Позже, уже по приезде домой, в московском издательстве «Молодая гвардия» был издан сборник рассказов В. Гладкого о Крайнем Севере под названием «Жестокая охота». Большой частью это автобиографические повествования о его приключениях в колымской тайге, пропущенные через жернова писательского восприятия. У Виталия Дмитриевича трое детей – сын и две дочери.

В 1980 году в областной газете «Магаданский комсомолец» выходит первая повесть Виталия Дмитриевича под названием «Оборотни», через год там же публикуется повесть «По следу змеи», потом в течение последующих двух лет вы-

ходят в свет повести «Плацдарм», «Золотая паутина», роман «Архивных сведений не имеется». Все эти вещи печатались в периодике, в журналах «Искатель», «Советская милиция», в «Воениздате» (серия «Сокол»), в различных сборниках и в дальнем зарубежье. В своих произведениях Виталий Дмитриевич часто описывает единоборства и прочие штуки подобного рода. И это вовсе не случайно. Спорт в юности был частью его жизни. Он занимался боксом, вольной борьбой, каратэ, был хорошим стрелком. Острый, динамичный сюжет и тщательно выписанные характеры героев – главная отличительная черта романов В. Гладкого.

По возвращении из районов Крайнего Севера долгое время возглавлял издательство «Отечество». Виталий Дмитриевич основал всеукраинскую литературную премию имени М. Старицкого за лучший исторический роман. Он и сам лауреат премии имени В. Короленко. Издано свыше пятидесяти романов В. Гладкого, общий тираж которых вышел за пределы 8 миллионов.

Виталия Дмитриевича всегда привлекала историческая тематика. Он является автором трех энциклопедических словарей: «Древний мир» (1997), «Славянский мир» (2001) и «Словарь нумизмата» (2006). Кроме того, им написано девятнадцать исторических и историко-приключенческих романов. И первым из них был «Меч Вайу», роман о скифах, над которым, как ни удивительно, он начал работать в семнадцать лет.

Избранная библиография В.Д. Гладкого:

- «По следу змеи» (1988)
- «Меч Вайу» (1997)
- «Басилевс» (1997)
- «Тайна розенкрейцеров» (2004)
- «Ушкуйники» (2012)
- «Ассасины» (2012)
- «Тень Торквемады» (2012)

Пролог. Гибель империи

Самым почетным и наиболее нелюбимым постом для воинов Варанги, наемной императорской гвардии этериотов, элитного подразделения армии ромеев, считалась охрана входа в Тронный зал басилевса Византии – Консисторион. Стражники по обе стороны массивных двустворчатых дверей, щедро украшенных резной слоновой костью, драгоценными камнями невероятной цены и окованных золотом, должны были стоять неподвижно как статуи. Ни единого движения, ни единой эмоции на окаменевших лицах, и даже дыхание не могло быть бурным, а совсем незаметным – через нос.

Особенно скверно становилось тогда, когда в Золотой Триклиний (так назывался Тронный зал в Большом или Святом Дворце Константинополя) залетал рой мух. Эти подлые назойливые создания так и норовили сесть на лицо гвардейца, вызывая нестерпимый зуд. В такие моменты стражи готовы были все отдать за то, чтобы очутиться подальше от Золотого Триклиния, пусть даже в гуще самой кровопролитной битвы, лишь бы не испытывать пытки зловредными насекомыми.

Конечно, в ночное время гвардейцы могли расслабиться, но только не днем. В светлое время суток в Тронном зале постоянно толклись придворные, иноземные послы, или де-

легации из разных концов огромной Византийской империи.

Во время императорских приемов за тронем, повторяя форму апсиды¹, стояли полукругом в три ряда самые выдающиеся воины из личной охраны базилевса. Третий и последний полукруг был предназначен для гвардейцев Варанги – варваров (по определению византийцев). На них не было доспехов, но каждый гвардеец имел золоченый щит и держал в руках пику и боевой топор.

Три бронзовых двери позади трона вели во внутренние покои дворца. Нельзя было не отдать должное предусмотрительности тех, кто сооружал Золотой Триклиний. В случае покушения на императора (а такие казусы уже случались) он мог под прикрытием щитов своих гвардейцев уйти через эти двери в безопасное место.

Святой Дворец был построен с пышностью, которую трудно передать словами. С юго-западной стороны под портиками находились железные двери, которые вели в сени, называемые Халкой. Войдя в двери, посетители проходили полукруглым двором в большую залу с куполом. Пол в ней был сделан из цветного мрамора, окаймляющего большую круглую плиту из порфира. Панели стен тоже были из цветного мрамора. Двустворчатая бронзовая дверь из ротонды Халки вела в караульные помещения. Это были обширные залы, служившие казармами для дворцовой стражи. Кроме того, они включали парадные комнаты, в одной из которых нахо-

¹ Апсида – полукруглая ниша со сводом.

дился под куполом большой серебряный крест.

Дворец был двухэтажным и имел два крыла, окружавших большой двор, часть которого занимал личный манеж императора. Первый этаж строений занимали придворные службы, а на втором этаже находились личные покои басилевса, в том числе самые роскошные залы палат. Они дополнялись широкой террасой, с которой открывался вид на море. В этой части палат находились только приемные и служебные помещения.

Для жилья использовались два другие дворца – Хризотриклиниум и Трикон. К дворцу были пристроены крытые галереи, соединившие его с храмом Святой Софии. Поэтому император мог, не покидая своего дома, пройти от Ипподрома в церковь.

В пределах дворцового комплекса насчитывалось множество церквей и часовен. Самыми чтимыми были молельня Святого Феодора, расположенная в Золотом Триклинии, Сигма и баптистерий. Знаменитый маяк Фарос, указывавший морякам безопасный путь в гавань и посылавший сигналы в удаленные районы империи по эстафетной системе, стоял на мысу в пределах территории Святого Дворца.

Во дворце было несчетное количество зданий для прислуги, кладовые, шелкопрядильни, императорские фабрики и мастерские, где изготавливались предметы роскоши высочайшего качества для самого басилевса. Личные конюшни императора, в которых жили боевые и охотничьи лошади

и пони для игры в мяч, находились совсем близко.

Существовали и конюшни для беговых лошадей, принимавших участие в скачках на Ипподроме. Они стояли недалеко от ворот и открывались прямо на беговую дорожку; в них поддерживали безупречную чистоту, а над каждым стойлом висела золотая лошадиная сбруя.

Псарни, в которых находились собаки и гепарды, использовавшиеся императором во время охоты на оленей и медведей в Малой Азии, и клетки с соколами, пускаемыми в погоню за зайцами и дикими птицами, соседствовали с его личным зверинцем, в котором содержались заморские звери. Рядом помещались птичник, арсенал, монетный двор, сокровищница, архивы. В счастливые времена, когда под стенами Константинополя не стояли лагерем крестоносцы-пилигримы, во дворце работали двадцать тысяч ремесленников и слуг.

С некоторых пор Большой Дворец не пользовался благосклонностью императоров. Они предпочитали новый, Влахернский дворец. Святой Дворец использовался в основном как учебное заведение, благо там находилась императорская библиотека, и официальная резиденция, предназначенная для приемов иноземных послов. Но охранялся старый дворец не менее тщательно, нежели Влахернский.

Оказавшись на площади перед дворцом, Василько с облегчением вздохнул всей грудью. Свободен! За эту неделю он второй раз сподобился исполнять обязанности команди-

ра ночной стражи.

Собственно говоря, ничего странного в этом не было, так как этериот Василько был кентархом – сотником Варанги. Выбиться в кентархи могли немногие, только самые заслуженные и знатные воины. Что касается заслуг, то у молодого витязя их было более чем достаточно. Он участвовал во многих сражениях, притом успешно.

Но храбрых и сильных варангов было много, тем не менее, должность кентарха получил именно Василько. Похоже, у него был тайный покровитель из высшей знати Византии, о котором Василько не имел ни малейшего представления.

Однако этот вопрос волновал его меньше всего. Главным было то, что должность кентарха предполагала солидное вознаграждение за службу, а это для Василько значило многое. Ведь наемники, занимавшие командные должности, получали, кроме «руги» (жалования) и части воинской добычи, еще и богатые дары от императора.

Мало того, Василько недавно получил высокий титул спэфария!² Это была огромная честь для «варвара», кентарха варанги. Все эти благодеяния посыпались на него как из ро-

² Спафарий – придворный титул. В Византии существовала одна из самых развитых бюрократий. «Табель о рангах» в X веке насчитывал следующие основные титулы (в порядке убывания): 1) вне классов – патриарх Константинополя, кесарь, новелисим, куропалат, василеопатор, зоста патрикия (высший женский титул), ректор, синкелл, архиепископ Болгарии; 2) I класс – анфипаты, патрикии, протспафарии, дисипаты; 3) II класс – спафаро-кандидаты; 4) III класс – спафарии; 5) IV класс – ипаты, страторы, кандидаты, мандаторы, веститоры, силенциарии, апоэпархи.

га избытка совершенно неожиданно, когда императорский престол узурпировал Алексей V Дука по прозвищу Мурзуфл (Насупленный), которое он получил за густые брови, сросшиеся на переносице. Прежде новоиспеченный базилевс занимал высокую должность протовестиария³, которая давала ему право неограниченного доступа в императорские покои.

После свержения византийского императора Исаака II Ангела в 1195 году и восхождения на престол его старшего брата, севастократора⁴ Алексея III Ангела, сыну Исаака Алексею удалось бежать на корабле в Италию, откуда он отправился в Германию ко двору короля Филиппа Швабского, женатого на его сестре Ирине. Царевич попросил у папы и Филиппа помощь, чтобы вернуть византийский престол отцу. Посулив рыцарям-крестоносцам золотые горы, ему удалось направить участников четвертого крестового похода не в Египет, как они поначалу намеревались, а на Константинополь.

В 1203 году пилигримы⁵, «освободители Гроба Господнего», захватили город и после низложения Алексея III восстановили на престоле Исаака. А его сына Алексея IV сделали соправителем. Затем крестоносцы встали лагерем воз-

³ Протовестиарий – старший вестиарий; высокая должность. Протовестиарий – чиновник, ведавший императорским гардеробом и особой казной.

⁴ Севастократор – высший придворный титул в поздней Византийской империи. Ранг выше цезаря и рассматривался как второй император.

⁵ Пилигримы – паломники. Пилигримами именовались также участники крестовых походов, в частности, рыцари, принявшие крест.

ле Константинополя, ожидая от Исаака и Алексея выплаты обещанных денег.

Однако они получили лишь половину условленной суммы – сто тысяч серебряных марок⁶. При этом была опустошена вся императорская казна. Исаак попытался обложить жителей Константинополя дополнительным налогом, но это вызвало отчаянное сопротивление. В результате обострились отношения между Алексеем IV и крестоносцами, однако император не решился выступить против них, как того требовали жители столицы Византии.

25 января 1204 года синклит, собравшийся в Софийском соборе, низложил Алексея IV, опиравшегося на поддержку крестоносцев. Алексей IV хотел спасти собственную власть, впустив рыцарей непосредственно внутрь Константинополя, и поручил миссию переговорщика Мурзуфлу. Но тот начал вести самостоятельную игру. Он объявил гвардии об изменческих планах императора, организовал неповиновение Варанги Алексею IV, а когда тот обратился к Мурзуфлу за защитой – обманом заточил его в подземелье.

28 января собрание жителей провозгласило императором простого, но заслуженного воина Николая Канава, но знать отказалась признавать этот выбор. Во время переговоров Мурзуфл арестовал Николая и 5 февраля 1204 года принял

⁶ Марка – денежная весовая единица средневековой Германии. Могла иметь разные веса (и стоимость) в зависимости от княжества, ее выпустившего. К примеру, нюрнбергская марка весила 255 г, кёльнская – 233,855 г.

императорский сан. Алексей Мурзуфл, считая себя в силах дать отпор крестоносцам, ввел новые налоги на содержание войска и предложил рыцарям уйти с миром.

Как и следовало ожидать, глава крестоносного войска итальянский маркиз Бонифаций Монферратский послал его ко всем чертям. О богатстве Константинополя ходили легенды. Эти рассказы и то, что крестоносцы уже увидели в столице Византии, разжигали воображение и страсть к наживе, поэтому обманутые Алексеем IV пилигримы никак не могли смириться с тем, что из их рук уплывает такой лакомый кусок...

– Эй, рус! – послышалось сзади.

Василько обернулся и увидел компанию скандинавов во главе с Харальдом Молотом – кряжистым даном⁷ из Варанги. Казалось, что торс варяга был сплетен из воловьих жил; он был похож на столетний дуб. Харальд был кентархом, как и Василько. В сражении дан предпочитал не секиру, как все варанги, а боевой молот, вследствие чего и получил свое прозвище. Своим тяжеленным молотом он буквально расплющивал противника и валил с ног коня вместе с всадником.

– Идем с нами, – предложил Харальд, когда они обменялись приветствиями. – Сегодня мы получили ругу, так что угощение за нами. И потом, я уверен, тебе будет приятно навестить капилею своего соотечественника.

⁷ Дан – датчанин.

Василько без лишних объяснений понял, о ком идет речь. Капиля руса Мокши, который был родом из Полоцка, пользовалась большим успехом у гвардейцев императора. В отличие от богатых харчевен, где подавали еду на любой вкус, капили были дешевыми закусочными у дорог и рынков с соответствующим набором простых и недорогих яств. Но заведения Мокши отличалось простором и чистотой, а главное – отменно приготовленной русской пищей. Ее любили не только русы, но и скандинавы, и была она не намного дороже, нежели остальные забегаловки Константинополя.

– Премного благодарен за приглашение, дружище, – любезно ответил Василько. – Но мне нужно к «Маме». Я только что сменился с ночной страже, поэтому, прежде всего, хочу смыть с себя пот и переодеться. Я подойду позже...

С этим они и расстались.

Русы и скандинавы Варанги относились друг к другу по-дружески, в отличие от наемников-инглинов⁸, которых они недолюбливали за спесь. Кроме русов и варягов, в императорской гвардии служили франки, немцы, болгары, печенеги, грузины, кулпинги⁹ и сарацины. Но в последние десятилетия приток русских наемников в Византию резко сократился, и их постепенно начали заменять англосаксы. Варяжская гвардия была одним из трех крупнейших «варвар-

⁸ Инглины – англичане.

⁹ Кулпинги, колбяги, кульфинги – собирательное название народов севера (финнов, карелов и др.).

ских» (иноземных) воинских соединений Византии.

Русы-новички обычно вступали в Варангу, когда отслужившие договорные сроки ветераны уезжали на родину. Этот процесс шел регулярно, приурочиваясь к судоходному сезону на Черном море. Каждый год несколько сотен воинов ежегодно покидали империю и примерно столько же или несколько больше прибывало им на смену (тем более что гвардейцы несли постоянные потери в боях).

Русская община Константинополя была многолюдна и имела в столице Византии собственное подворье. Для размещения русов византийским правительством был отдан целый квартал с монастырем Святого Маманта.

Вдали от родины, в чужой, заморской стране, плохо зная местные порядки и нравы ее жителей, не понимая или едва разбирая греческую речь, испытывая неотступный надзор равдухов¹⁰ эпарха¹¹, не имея права носить оружие при посещении Константинополя, русы чувствовали себя в безопасности, почти как дома, лишь у «Мамы» – в квартале Святого Маманта.

Только здесь они вращались в среде соотечественников, слышали родную речь, на первых порах пребывания в Константинополе имели даровые кров и пищу, мылись в банях, сколько душа пожелает, молились в храме на русском языке,

¹⁰ Равдухи – полицейские агенты.

¹¹ Эпарх – в Византийской империи гражданский и военный руководитель провинции (епархии), а также градоначальник Константинополя.

советовались с бывалыми людьми – ветеранами Варанги, отслужившими договорный срок в армии императора и ожидавшими возвращения на родину...

Миновав вымощенный мраморными плитами и богато украшенный колоннами, портиками и триумфальными арками круглый Форум Константина, Василько поторопился проскочить многолюдный рынок булочников и печальный переулочек, который назывался «Долиной слез», где велась торговля рабами. Грозные окрики свирепых надсмотрщиков, хлесткие щелчки плетей, плач, стенания и жалобные вопли несчастных поднимались к небу и тонули в бездонной голубизне.

Несмотря на свою профессию, временами требующую жестокости, Василько относился к рабам с жалостью. Он знал, что через «Долину слез» прошло немало и его соплеменников, которых поставляли на невольничий рынок Константинополя турки.

Главная улица византийской столицы Меса (Средняя), по которой шел Василько, тянулась с запада на восток, от Золотых Врат через Форумы Аркадия, Воловий, Феодосия (Бычий) и Константина до площади Августеон, в центре которой возвышалась статуя Елены Равноапостольной или Августы. Квадратный Бычий Форум был украшен триумфальной аркой и базиликой Феодосия.

От него Меса расходилась в две стороны – главная магистраль шла на запад, к Золотым Вратам, и далее переходила

в римскую Эгнатиеву дорогу. Другая часть Месы шла на северо-запад к Адрианопольским воротам. В центре Воловьего Форума стояла привезенная из Пергама громадная бронзовая фигура быка, чрево которого служило печью, в которой сжигали преступников, приговоренных к такой мучительной казни.

Меса и пересекаемые ею крупные площади были настоящим средоточием столичной торговли. От площади Августеон до Форума Константина тянулись ряды лавок, где шла бойкая торговля дорогими тканями, одеждой, драгоценностями и благовониями. На других площадях, представлявших собой обширный рыночный квартал, торговали скотом, мясом, рыбой, зерном, хлебом, вином, маслом, сухофруктами, шелком-сырцом, мылом и воском.

Кроме того, на вымощенной каменными плитами главной улице Константинополя и в прилегающих к ней кварталах находились храмы и самые важные государственные и общественные здания. Именно по Месе следовали императорский кортеж и церковные процессии.

Капиля Мокши размещалась в самом денежном месте – посреди обширного рыночного квартала. Безоблачный день оживлял серые и розовые фасады домов, в окнах которых мелькали женские черноволосые головки в замысловатых прическах, заколотых золотыми и серебряными булавками, с проворными шаловливыми глазами, ресницы которых были удлинены сурьмой.

Многие прелестницы с вождением провожали глазами статную фигуру Василько, который блистал не только богатыми одеждами, но и весьма симпатичным славянским лицом. Императорские гвардейцы среди константинопольских красоток были нарасхват. Ими интересовались не только женщины легкого поведения, которых привлекали полные кошельки варангов, но и замужние матроны.

Началом рыночного квартала служил рыбный рынок, от которого лучами расходились другие рынки: мясной, овощной, оружейный, шорный, рынки ткачей и ювелиров... Все они были заполнены рядами лавок.

В рыбных рядах купцы-греки с островов и понтийцы продавали свежую рыбу, лежавшую на низких столах или на земле – на подстилках из водорослей или мха. Рыбья чешуя переливалась золотистыми, серебряными, изумрудными и сапфировыми цветами, и рыбы кучи казались грудой золотых самородков и драгоценных камней. Потрясающее зрелище!

Возле золотистых губанов алели, точно уголья, какие-то незнакомые Василько рыбы, огромные желтые глаза макрелей, похожих на воинские медали, взирали на колючих карпий, на голубых сардин и благородных тунцов. Меч-рыбы, щит-рыбы, ракушки, морские черенки, устрицы, букцины... Многочисленное население морского дна, удивлявшее разнообразием окраски и причудливыми очертаниями, ожидало покупателей, которые в Константинополе отличались ка-

призностью и придирчивостью.

Василько даже замедлил ход, чтобы полюбоваться на рыбное разнообразие, хотя, по правде говоря, дух на рыбном рынке стоял еще тот. Поэтому византийская знать сюда даже не заглядывала.

Мясной рынок оглушил Василько своим шумом и гамом. На узкой площади ревели, блеяли и мычали выведенные на продажу животные: лошади, верблюды, ослы, быки, коровы, бараны, овцы. Их влекли, осыпая сильными ударами, люди, скудно прикрытые заплатами далматиками, в едва закрывавших головы скуфьях семитских, туранских или славянских.

Свою толику шума добавляли и стаи бездомных псов. Все они были пестрого окраса, длинношеие, с воспаленными языками, запыленной шерстью и острыми хвостами. Наглые константинопольские псы оглашали воздух каким-то мятежным лаем, а когда их прогоняли, то они огрызались, свирепо рыча и яростно сверкая налитыми кровью глазами. Получить долю из костей и мясных обрезков псы считали своим неотъемлемым правом, и готовы были сражаться за это до последнего.

Рынок оружейников блистал красотой холодного оружия и защитного снаряжения. Дух захватывало от великолепных прямых обоюдоострых мечей-спатионов и саблеобразных мечей-парамерионов, копий-контарионов, литых или чешуйчатых медных панцирей-клибанионов, небольших, но

мощных гуннских луков, арбалетов-соленарионов, от которых не спасали никакие доспехи, огромных боевых секир, кинжалов, ножны которых были украшены золотом и драгоценными камнями, окованных железными шипами палиц, разнообразных шлемов, кольчуг, набедренников, наручей... Некоторые, особо ценные экземпляры холодного оружия были сделаны из индийского железа, которое не ржавело.

Не менее богатым и красивым был рынок седельников, предлагавших не только знаменитые византийские седла, но и другую ратную сбрую, искрящуюся украшениями и окаймленную цветным полотном, шелковые и ременные узды, чеканные стремяна, золоченые шпоры, бубенцы, которые вешались на грудь животным, чтобы своим серебряным звоном веселить их ход.

Рынок ковров поражал необычайными, пестревшими фиолетовыми, красными, голубыми, зелеными и желтыми орнаментами и образами разных знакомых и невиданных тварей, вытканых с большим искусством. Грифы между недвижных колес, павлины, восседавшие на плечах людей, которых сопровождали утки и слоны, тигры и фазаны под гроздьями больших роз, произраставших на кустах, раскидывавших тонкие ветви... И все это многоцветное великолепие и многообразие выглядело настолько живым, что к коврам хотелось прикоснуться, чтобы убедиться в обмане зрения.

Аргиопраты (ювелиры) скромно и тихо ютились в темных лавках, зорко охраняя свои сокровища. Им не нужно было

зывать покупателей. Их товар могли позволить себе приобрести только богатые и знатные люди, которые хорошо знали, где купить великолепное ожерелье из драгоценных камней, золотой браслет, инкрустированный эмалью, серьги, перстни, колты – серебряные подвески, и которые не любили излишнего шума, дабы не привлечь внимание воров и других лихих людишек.

Драгоценные камни у ювелиров были на любой вкус и кошелек: адамасы (алмазы), сафиринусы (сапфиры) и гиацитусы (рубины) привозили из Индии, маргаритос (жемчуг) вылавливали в Персидском заливе, а смарагдос (изумруд) добывался в Африке. И все это великолепие купцы везли в Константинополь – средоточие всех богатств Византии.

Вестиопраты – торговцы шелковыми и другими дорогими одеждами и тканями – предлагали ослепительно белые хламиды с красной шелковой каймой, туники-далматики, мантии-сагумы с искусно вытканными евангельскими сценами, плащи из дорогих тканей, парчовые пояса, шитые золотом... Шелк привозили из Китая, хотя попадал он в Византию через многочисленных посредников, тонкие покрывала из виссона – особого сорта льна – поступали из Испании, удивительно мягкую шерсть поставляли из Ирана.

Башмачники продавали красивые сандалии, державшиеся на цветных лентах, высоко обвивавших ногу, и толстые кожаные башмаки с заостренными носками. Финифтяных

дел мастера предлагали красивые эмалированные медальоны, аграфы и кресты. Краснодеревщики торговали изысканной мебелью из пальмового дерева; золотых и серебряных дел мастера продавали церемониальные сосуды, столовую и кухонную посуду, кресты и оклады для Евангелия; у мастеров по металлу можно было купить предметы повседневного обихода – ножи, мотыги, топоры и лопаты, железные решетки, засовы, ключи, замки, гвозди...

Более мастеровитые ремесленники продавали разные по размеру светильники из бронзовых или железных обручей. Они подвешивались к потолку в церквях, во дворцах и особняках. На обручах устанавливались масляные лампы с фитилями. С обручей свисали различные украшения: кресты, рыбы и птицы. Мастера по металлу также изготавливали цепи и якоря для флота. Самые искусные из них торговали часами, которые все больше входили в моду, хотя стоили они очень дорого.

Все византийские торговцы делились на гильдии. В одной только столице насчитывалось не менее двадцати трех. В каждом ремесле гильдия определяла условия работы, размер жалованья, отпускные цены и доход. Человек мог войти только в одну гильдию. Для этого необходимо было высокое мастерство и уплата немалого вступительного взноса.

Произведенные товары выставлялись на продажу в четко разграниченных частях города. Только бакалейщики могли открыть лавку на какой угодно улице, поскольку продавали

такие важные для народа продукты питания, как сыр, растительное и сливочное масло, муку, мед, мясо, соленую рыбу и овощи. Крестьянам разрешалось продавать свою продукцию напрямую покупателям. Разносчики вели бойкую торговлю одеждой. Торговцы управляли продажей всех прочих товаров, включая скот и птицу, а также их мясо. Все это продавалось на рынках по ценам, назначенным префектом.

Любое нарушение закона гильдии влекло за собой штраф, телесное наказание или исключение. Однако изгнание из гильдии не обязательно обрекало виновного на вечную безработицу. Ему разрешалось зарабатывать на жизнь, занимаясь своим ремеслом в частном порядке, трудясь на кого-то. Многие находили работу в монастырях, которые нанимали мастеров по металлу, ткачей и сапожников. Другие поступали в мастерские, принадлежавшие знати, где, как и в императорских мастерских, большая часть работников была рабами.

Не меньшим разнообразием, чем товар, отличались и покупатели. Красочный водоворот перемешал обитавшие в Византии племена. В толпе мелькали лица киренаиков в черно-желтых одеяниях, сотканных из сабура и перехваченных на животе витыми ремнями, мидийцев в полукафтанье до колен и в портах, собранных у лодыжек. Византийцы в фиолетовых одеждах с вытканными золотыми и серебряными нитями павлинами и пантерами, таившимися в листве, евреи в черных одеждах и желтых развевающихся шарфах, нома-

ды – потомки скифов, обутые в опашни, которые были подвязаны у икр соломенными жгутами, болгары, кроаты... Бесчисленное множество народов и племен, которых приютила Византийская империя!

Население Константинополя было удивительно пестрым. Прежде всего, оно было разноплеменным и разноязычным. Кроме бородатых греков, на константинопольских улицах можно было встретить гладко выбритых франков – выходцев с Запада, главным образом венецианцев и генуэзцев, служивших в византийских войсках.

Здесь попадались также сирийские арабы в темных плащах и кирпичного цвета сандалиях – купцы, привозившие восточные товары. Много было армян, нередко занимавших высокие придворные посты. Встречались грузины – монахи и воины, аланы, варяги, русы, славяне, тюрки и много других племен и народов.

Некоторые из них были прочно осевшие, получившие свои кварталы, церкви, причалы (это относится, прежде всего, к итальянцам), другие – приезжие, селившиеся в гостиных дворах и ксенодохиях – приютах для бедных и больных, часто за городскими стенами. И все они с любопытством бродили среди константинопольских харчевен и многочисленных церквей.

Но пестрым население византийской столицы было и в другом смысле. Здесь обитали люди разных занятий и профессий. Уличная толпа Константинополя большей частью

состояла из ремесленников, торговцев, рыбаков, матросов, грузчиков... Это были бесчисленные и безвестные люди, обустроивавшие, снабжавшие, одевавшие, кормившие византийскую столицу, изготавливавшие оружие, ювелирные изделия, шелковые ткани для дворца и придворных, чеканившие монету, смолившие корабли. Одни из столичных мастеров были полноправными владельцами мастерских-эргастериев, другие – поденщиками, которые далеко не всегда имели работу.

Немалую долю в константинопольской толпе составляли земледельцы. Часть из них работала на полях и в садах в черте города и возле городских стен; кое-кто обладал крошечными поместьями, предоставленными заботе одного-двух рабов или наймитов, куда хозяева являлись только осенью, чтобы принять участие в уборке урожая.

Велико было и число монахов в византийской столице. Константинопольские монастыри исчислялись десятками, если не сотнями. Одни монахи жили затворниками, другие выходили за ворота обители и вмешивались в будничную жизнь.

В городе было много нищих, не имевших твердого заработка, питавшихся случайными подачками, милостыней церкви или частных лиц. Под аркадами мраморных портиков нищие попрошайки находили защиту от непогоды, летом даже ночевали там, а зимой дрожали на холодных чердаках и заходили погреться в мастерскую стеклоvara или кузнеца.

Константинополь кормил харчевников и виноторговцев, публичных женщин и цирковых акробатов, фокусников и дрессировщиков зверей – особую категорию лиц, занятых развлечением городской толпы. И уж, конечно, находили в нем место завсегда и питейных заведений и профессиональные воры, которым благоприятствовала теснота узких улочек на окраинах, ночью погружавшихся в крошечную тьму.

На самой низкой ступени стояли те, кого византийцы по старому образцу называли рабами. Часть из них были военнопленными или невольниками, привезенными иноземными купцами; другие попадали в рабство, продавая свою свободу. Рабы были пастухами или ремесленниками, но чаще всего их ждала домашняя служба, которая ставила невольника лицом к лицу с господином и способствовала беспощадному унижению человеческого достоинства. Если домашнему рабу и удавалось заслужить господскую милость, то обычно это достигалось угодничеством, доносами или коварством.

У всех этих людей, стоявших на разных ступенях общественной лестницы и отличавшихся друг от друга достатком, привычками, языком и верой, было одно общее – все они практически жили на улице. Лавки и мастерские были открыты для каждого прохожего, многие ремесленники работали под открытым небом. Мастерские размещались по всей Месе, и даже храм Святой Софии был окружен свечными

эргастериями и лавками скорняков.

Товары выставлялись перед лавками, развешивались на стенах, многими из них торговали вразнос, с лотков. Даже купцы сидели на улице.

На улицах рыбаки чистили и жарили недавно выловленную рыбу, в открытых портиках велись научные беседы, шли школьные занятия, разворачивались религиозные диспуты. Люди с утра до вечера слонялись по улицам, пустевшим только в полдень, в жаркую обеденную пору, – все прятались в тень. А кто был более состоятельным, с удовольствием пил охлажденное вино на плоской крыше своего дома и наблюдал за забавными уличными сценками...

В капилее Мокши было шумно. Гуляли не только воины Варанги, но и ремесленники какой-то гильдии. Вино лилось рекой. Уж чего-чего, а разных вин в Константинополе хватало. Золотистые, черные и белые, сладкие и кислые, легкие и крепкие, долго хранящиеся и легко портящиеся...

Помимо винограда, вино изготавливали из яблок, груш, кизила, граната, меда, полыни. Нередко его настаивали на копытнике, лавровых ягодах, укропе, дикой петрушке, сельдерее и других растениях. Существовал напиток, при изготовлении которого смешивали яблочный сок, воду и мед, а также напиток, приготовленный из меда и роз.

Женщины обычно разбавляли вино водой, а мужчины нередко добавляли в него пряности. Вином утоляли жажду, запивали пищу и использовали его в лечебных целях. Ви-

но, настоянное на укропе, пили для возбуждения аппетита, укрепления желудка и как мочегонное средство. Вино, настоянное на дикой петрушке, наряду с другими качествами обладало хорошим снотворным действием. В свою очередь, напиток, настоянный на руте, использовали как противоядие при отравлениях и укусах змей. А вино из роз, аниса, шафрана и меда помогало страдающим желудком и болезнью легких.

В общем, выбрать было из чего. Капиля Мокши отличалась еще и тем, что вина у него были на любой вкус.

Но больше всего воинов Варанги привлекали крепкие напитки, которые пришли в Византию вместе с «варварами» – из хлебного зерна, ячменя, полбы, овса и проса. Они напоминали русам и скандинавам родину и пользовались большим спросом.

– Хей, Василько! – радостно воскликнул Харальд, увидев кентарха. – Братья, поприветствуем руса!

Скандинавы проревели приветственный клич и с лязгом скрестили мечи. Гильдейские невольны притихли; связаться с хмельными «варварами» – себе дороже. Особенно с гвардейцами, которых мог усмирить разве что эпарх. И то не всегда.

Василько был голоден, поэтому без особых церемоний приналег на вино и добрую закуску. Мокша, еще тот хитрец, для гвардейцев расстарался, – выставил на стол все самое лучшее.

Богатство и разнообразие продуктов в Константинополе впечатляло. Дичь, домашняя птица, рыба, икра, молоко, сыр, масло, фрукты, овощи, всякого рода зелень, грибы, сладости присутствовали не только на пирах знати, но и на столах менее состоятельных людей.

Одним из наиболее доступных и излюбленных продуктов византийцев была рыба – морская, речная и озерная. Ее жарили, варили, коптили, вялили, сушили, мариновали, приготавливали черную и красную икру. В Константинополе рыбу нередко жарили прямо на рынке. Густое пюре из трески, а также вареная рыба считались деликатесом. Пищей простонародья были тунец, скумбрия и селедка. Эти сорта рыбы продавали по несколько штук за обол¹².

Высоко ценили византийцы пернатую дичь и нередко посылали ее в подарок. Деликатесом считалось мясо журавля, а также павлинье и воробьиное. Мелкую дичь обычно ловили с помощью приманки на тростник, покрытый птичьим клеем.

Среди сыров более других отличали пафлагонский. Высоко ценился сыр горных овцеводов – влахов – из Болгарии. Валашский сыр сбывали и за границу. Он был предметом оживленной торговли в Дубровнике и назывался «бранза».

Но главным продуктом питания, без которого не обходилась ни одна трапеза, считался хлеб. Его делали из пше-

¹² Обол – название монеты и единицы веса. Бронзовая монета Византии, равная 1/2 медного фоллиса или 20 нуммиям.

ничной и ячменной муки. Император имел обыкновение посылать выпеченные из пшеничной муки высокого качества и имеющие форму колец пирожные, как особый дар, клирикам, стратигам и сановникам. Ведь хлеб, как хорошо было известно каждому византийцу, придавал организму нужную силу. Тем более, если хлебом одарил сам Imperator terrenus – наместник Бога на земле.

Поскольку все еще продолжался Великий пост, Феодор угощал гвардейцев удивительно вкусной рыбой, запеченной на вертеле. Она была приправлена ароматическими травами и исчезала в луженых желудках варангов с невероятной быстротой. Василько тоже не отставал от скандинавов. В отличие от хитрых и лукавых инглинов, на них можно было положиться и в бою, и вне строя.

Он ел и прислушивался к разговорам гвардейцев. Закоперщиком беседы, как всегда, был ветеран Гуннар по прозвищу Кожаные Штаны. Ни ума, ни боевого опыта ему было не занимать. Как и Харальд, он ходил в должности кентарха, но все знали, что Гуннар Кожаные Штаны является негласным помощником и советником этериарха, командира Варанги.

А ведь этериарх был одним из высших имперских офицеров, доказательством чему являлся тот факт, что в период отсутствия императора и аколуфа, командующего всеми наемными войсками, он хранил ключи от ворот Константинополя.

Кроме того, Гуннар Кожаные Штаны был еще и манглаби-

том – одним из тех, кто нес ответственность за личную безопасность императора. Вооруженные мечами и дубинками, манглабиты возглавляли процессии в различных церемониях и были ответственны за охрану некоторых ворот императорского дворца. У пояса Гуннар носил отличительный знак манглабита – обоюдоострый кавалерийский меч-спату с золотой рукоятью.

Широкие плечи Гуннара прикрывал плащ синего цвета, украшенный желтыми листьями плюща, представлявшими собой символ вечной жизни. Темно-фиолетовый плащ Василько был расшит геометрическими фигурами, которые обозначали его ранг. Все командиры Варанги выделялись позолоченными доспехами и дорогим оружием, зачастую подарками императора.

Варяги из компании Харальда были увешаны золотыми цепями, гривнами, браслетами и кольцами. Украшения являлись символом их высокого статуса и отражали принадлежность к тому или иному народу. Тот же Харальд носил Молот Тора, скандинавского бога-громовержца – языческий амулет данов, который соответствовал его прозвищу.

А некоторые варанги цепляли на доспехи нательные кресты. Ведь главным условием поступления на императорскую службу, тем более в элиту, была принадлежность к христианской церкви. Многие крестились уже в Константинополе (в том числе и Василько). Тем не менее варяги не забывали и своих языческих богов.

Скандинавов отличали длинные рыжие и светлые волосы, а также густые бороды и усы. Все гвардейцы были рослыми, а скандинавы вдобавок и татуированными. Этим они отличались от других воинов этерии.

Варяги уделяли большое внимание своему внешнему виду. Среди них были настоящие модники. В сумке почти каждого из них можно было найти несколько гребешков, расчесок и скребков, которые позволяли ухаживать за волосами и тщательно подстригать усы. А еще там были пинцеты для удаления лишних волос и крошечные ложечки для чистки ушных раковин.

Василько лишь посмеивался, глядя на расфуфыренных варягов. У русов было не принято модничать, носить многочисленные украшения и чересчур пестрые одежды. Соплеменники Василько отличались скромностью и даже скарденностью. Только на доброе оружие они не жалели никаких денег. Ведь от него зависела их жизнь.

У него самого была великолепная секира из индийского нержавеющей железа с рукоятью, украшенной золотой инкрустацией, и длинный обоюдоострый меч из сарацинской стали с золотой рукоятью (знак того, что его обладатель военачальник или ветеран) и рисунком на широком клинке, напоминающим изморозь, который мог разрубить любой доспех.

– ...Франки готовятся идти на приступ, – мрачно вещал Гуннар. – Это не может заметить разве что слепой. Но наше-

го нового господина, наверное, сразила слепота. Вместо того чтобы поднять народ и собрать ополчение, он развлекается – устраивает зрелища на Ипподроме.

– С чего ты взял, что пилигримы решатся пойти на штурм? – спросил Харальд. – Войско рыцарей тает на глазах. По последним сведениям, один из отрядов тех, кто принял крест, отправился к князю Антиохии и графу Триполи Боэмунду, который ведет войну с королем Леоном из Малой Армении. Они собирались служить ему, как наемники. Но турки устроили засаду, и франки потерпели тяжелое поражение. Среди погибших оказались Вилен де Нейи, один из лучших рыцарей, Жиль де Тразиньи и многие другие. В плен попали Бернар де Морей, Рено де Дампьер, Жан де Виллер и Гийом де Нюлли. Тоже воины не из слабых. Погибли восемьдесят рыцарей отряда, ни один не уцелел. Поэтому базилевс надеется, что франки вскоре уйдут в Египет, чтобы отвоевать Гроб Господень, благо весенние шторма на море заканчиваются. Снова взять Константинополь франкам не удастся! – закончил он самоуверенно.

Гуннар скептически pokrивился и ответил:

– Блажен, кто верует... Разве ты не заметил, что франки привели в рабочее состояние осадные орудия, расставили на кораблях и транспортах баллисты и катапульты и подготовили высокие лестницы из корабельных мачт?

– Да, это так. Но думаю, что они просто пугают нас. Хотят таким образом получить все то, что им было обеща-

но. И кстати, новый басилевс изрядно укрепил оборону города... хотя он и так надежно защищен высокими стенами и башнями. Несмотря на Великий пост, в Константинополе непрестанно ведутся работы. Мастера-каменщики и плотники заделывают пробоины, наращивают стены, оружейники куют мечи и топоры, рабы заготавливают булыжники для камнеметов... Город никогда бы не взяли, не будь предательства басилевса! Он взял ночью из сокровищницы деньги и ценности, – сколько мог унести – и бежал вместе со своими приближенными. Между прочим, именно в ту ночь я стоял в карауле. Знать бы, на что решился этот змей, я бы лично ему башку срубил!

– Не по-христиански мыслишь... – Гуннар сочно хохотнул. – А ты почему помалкиваешь, рус? – вдруг обратился он к Василько.

– Что тут скажешь... – Василько развел руками. – Воевать нам точно придется. Вот только с кем пойдём на стены? Кроме Варанги и хорошо вооруженных пизанцев, которые не хотят терять свои барыши (ведь вместе с пилигримами пришли и венецианцы, их соперники в торговле), остальные воинские части не горят желанием скрестить мечи с железными рыцарями франков. Ко всему прочему, в городе царит смута, вызванная борьбой за власть между отдельными кланами византийской знати. Но самое худое то, что теперь у Византии нет своего сильного флота, как было прежде. И все это благодаря договору 1187 года с хитрыми венецианцами, по

условиям которого басилевс полагался на флот итальянских «союзников». Император не пожелал кормить своих моряков, и теперь мы все пожинаяем плоды его скаредности. Кстати, именно корабли венецианцев доставили франков в Константинополь. Так что готовьтесь, друзья, принять бой. Гуннар прав – хорошей драки нам не избежать.

– Утешил... – Харальд тяжело вздохнул. – И что вы за народ, русы? Даже в радости, когда жизнь изобильна и прекрасна, вы всегда в напряженном ожидании черных дней. Живи моментом, а там хоть трава не расти! На худой конец нас ждет Вальхалла¹³, где мы отдохнем от трудов ратных. Мокша, еще вина! Да покрепче!

Василько покинул изрядно захмелевших варягов, когда солнце начало клониться к закату. Они начали горланить песни своей родины, и ему стало неинтересно. Его провожал к выходу сам Мокша. Удивительно, но он относился к Василько с большим почтением, словно тот принадлежал к высшей византийской знати. На прощанье Мокша шепнул ему на ухо:

– Пресветлый господин! Не забудь про своего верного слугу, когда грядет страшное.

– Ты о чем? – удивился Василько.

¹³ В германо-скандинавской мифологии «чертог убитых» – находящийся на небе замок, принадлежащий Одину, жилище павших в бою храбрых воинов, которые там пируют, пьют неиссякающее медовое молоко и едят неиссякающее мясо вепря. В замке павшим воинам и Одину прислуживают девы-воительницы – валькирии.

– Юродивый Фока возле церкви Святой Софии намеренно валялся в пыли, рыдал, кричал, как резаный, и вещал, что гибель города близка. Я верю ему! Фока-слепец никогда не ошибается в своих пророчествах. У него дар Божий.

– Пусть так. Но что значат твои слова?

– Многие покинут город. И мне пора. Я хоть и прижился в Константинополе, а все ж домой тянет. Вместе нам будет легче. Твой меч, господин, мои деньги. Все расходы я беру на себя.

Василько с невольным удивлением воззрелся на Мокшу. Он знал, что с виду неприметные харчевники, хоть и не кичились своим богатством, на самом деле были очень состоятельные люди. А уж Мокша точно скопил немало золота и драгоценностей. Ведь его заведение было весьма доходным местом.

Но почему он заговорил о бегстве из Константинополя? И с какой стати Мокша решил, что кентарх варанги, к тому же еще и спафарий, не падет в бою, а позорно сбежит из Константинополя, нарушив договор найма и присягу?

– Не говори глупости! – резко оборвал Василько харчевника. – Мы отстоим город!

– Может быть... Спаси нас, Господь!

На том они и расстались. Озадаченный Василько шагал по городу, куда глаза глядят. Хмель уже почти выветрился, и он пребывал в раздумьях. Почему Мокша начал к нему относиться с таким подобострастием, чего раньше не наблюда-

лось? Неужели ему стало известно...

Нет и еще раз нет! Похоже, Мокша был под впечатлением того факта, что русу-тетрарху присвоили еще и придворный чин спафария. И харчевник действительно прав в том, что в случае бегства из города им вдвоем будет легче. К тому же Мокша обещал возместить все затраты...

Задумавшись Василько не заметил как дошел до самых Золотых Врат. Площадь перед ними была пустынна. Ему много раз приходилось возвращаться с победных походов через эти Врата, и теперь он, закрыв глаза, мог вспомнить каждый камень кладки, каждое изваяние, украшавшие их.

Высокие и мощные, обрамленные колоннадой, Золотые Врата были увенчаны языческим изваянием богини Ники – Победы, а по бокам украшены крестами и начальными литерами имени Христа. На одной их стороне виднелся огромный образ Иисуса в исполинском лунном ореоле, и, казалось, над людским потоком, который вливался в город через Врата, витали его божественные черты, а большие выразительные глаза заглядывали в глубину души каждого человека.

Толпа, в которой смешались люди разных племен и народов, не проходила в ворота, а вваливалась, словно ее кто-то подгонял. Желтолицые венгры с выпуклыми глазами, оборванные сильно загорелые болгары в бараньих шапках, бледные славяне с резкими очертаниями грустных лиц шли за нагруженными повозками, которые тащили серые быки. Эллины, македоняне, албанцы, сицилийцы, капподокийцы, ис-

аврийцы, фригийцы, киприоты, родосцы, критяне шли пешком, ехали верхом, сидели в повозках, искусно сработанных из плетеного тростника, резного дерева, тисненой кожи, которая была обита по краям железными полосками и звенела бронзовыми бубенцами.

За воротами внутри города поначалу тянулись низкие, плохо оштукатуренные дома с крохотными оконцами, вырезанными в серых и розовых стенах. За ними устремлялись к небу высокие двух и трехэтажные виллы с мраморными фигурами, колоннами, витражными стеклами и открытыми прямыми лестницами, окаймленными золочеными перилами. Затем появлялись зубчатые стены монастырей, пышно отороченные зеленью обширных садов, дорожки которых были выложены черным или красным мрамором.

Дальше шли богатые храмы, часовни, молельни, укрывшиеся в глубине переулков. Раздавались резкие звоны симандр¹⁴, призывавшие православных к обедне, и неслышной поступью скользили в храмах молящиеся, подходя к большим иконам, освещенным гладкими восковыми свечами.

Но вот появилась и белая Триумфальная дорога – Аллея Побед, которая пересекала весь город; она тянулась от Золотых Врат до Форума Августа. Дорога вилась между дворцов,

¹⁴ Симандр, било, клепало – ударный сигнальный инструмент из дерева, камня или металла, используемый в христианской традиции наряду с колоколом для созыва на богослужение, а также (в монастырях) – на трапезу. В Византии XII и нач. XIII в. продолжали использовать симандры, несмотря на появление колоколов.

бань, площадей, колонн, арок, посеребрённых или позолоченных, сверкавших неясными очертаниями в сиянии дня, утопавших в блестящей мгле.

Окаймленная домами бедняков, скудость которых не скрашивалась соседством нескольких богатых домов с оплетенными вьющимися растениями террасами, через город протекала небольшая река Ликос, впадавшая в бухту Элевтерия. Она ужом вилась среди ив, тополей и платанов, густо зеленевших по ее берегам и долине, на склонах которой тянулись пустыри, где пестрели дикие растения: горделивые сине-красные мальвы, едкая крапива с зубчатыми листьями, голубые воловики, покрытый бледно-розовыми цветами шиповник, бузина, пышные чащи кустов, в которых таились шустрые ящерицы.

Когда случалось свободное время, Василько часто приходил сюда, чтобы насладиться покоем и умиротворенностью. Он падал ничком в траву и с детским любопытством долго наблюдал за плывущими по небу облаками. Василько был уверен, что на облаках сидят ангелы, которые охраняют небесные чертоги Всевышнего.

Он мысленно просил белые тучки передать привет своим родным краям, ведь ими управлял своевольный ветер, поэтому они обязательно окажутся над Русью, где прольются животворящим дождем. Несколько дождевых капелек принесут на родную землю его послание, которое напоит молодой дубок. И будет листва дуба нашептывать заветные сло-

ва Василько. Несмотря на то, что его окрестили при поступлении в Варангу, Василько все еще почитал древних богов, которые таились в каждой былинке, в каждом деревце...

Тяжело вздохнув, Василько окинул тоскливым взглядом Золотые Врата и поплелся обратно. В этот момент ему почему-то вспомнились пасхальные торжества двухгодичной давности, когда император отметил его заслуги и наградил великолепным панцирем с золотой инкрустацией и кошельком золотых монет.

Пасхальная неделя в Константинополе обычно заканчивалась конскими бегами, на которые с самого утра устремлялись почти все жители столицы. Из широких и узких улиц, змеившихся по семи холмам, в одеждах из ярких тканей, украшенных узорами из накладного золота и серебра, стекались к Ипподрому византийцы.

Тянулись вереницы роскошных экипажей, высекали искры подковы множества лошадей, покрытых богато расшитыми попонами, по краям которых бренчали и звенели бронзовые колокольчики, громыхали по гранитным плитам, которыми были вымощены центральные улицы, пышные квадриги богачей и колесницы кочевников, покрытые пылью дальних дорог.

Вышагивали когорты трубачей, военачальники и гвардейцы Варанги, за ними следовали барабанщики, трубачи и арфисты со своими громадными арфами, покоившимися на их мощных грудях. Шли и другие музыканты – сыны варвар-

ских племен, пришедшие повеселиться без малейшей заботы о том, каковы будут последствия праздника. Они несли ливийские бубны, славянские гусли и гудки, восточные караманджи и зурны, тимпаны из железа и бронзы.

За ними неспешно двигались вереницей черные монахи в скуфьях, длинноволосые пастыри, божественное пение которых и необычное, в нос провозглашаемое «аллилуйя», звучало под скрещенными хоругвями, покачивающимися на древках, окрашенных фиолетовой краской. Толпа шла в полном беспорядке – густая, стремительная, оживленная, жестикулирующая. Везде мелькали разноцветные человеческие лики, начиная с очень светлого руса и рыжего варяга и кончая черной головой эфиопа.

Стены Ипподрома с окаймляющей его круглой галереей, по которой бродили в томительном ожидании любопытные, возвышались как скала. Люди имели вид подлинных пигмеев перед величественными бронзовыми статуями, которые стояли на разделительном барьере – спине.

Изваяния изображали не только знаменитых лошадей и возниц, но и различные мифологические сцены, в том числе и божественного Геракла, борющегося со львом. Ипподром имел вытянутую подковообразную форму. Трибуна императора, – кафизма – крышу которой венчала медная позолоченная статуя басилевса на квадриге, находилась в центре восточной стороны арены.

Во время скачек делались ставки и проигрывались боль-

шие суммы денег. При этом город делился на соперничающие партии, которые болели на скачках за свои команды. Синие назывались «венетами», зеленые – «прасинами», красные – «русиями» и белые – «левками». Две последние команды не пользовались популярностью, и их почитатели постепенно начали переходить в стан сторонников синих и зеленых.

Кафизма была окаймлена красными и фиолетовыми, золотом шитыми занавесями; по бокам от нее располагались две трибуны пониже, но повместительней – для придворных. У подножья кафизмы стояла охрана, сдерживавшая толпу. Стражи – гвардейцы этерии – были неподвижны, лишь изредка едва заметно хмурили брови, когда, повинувшись порывам ветра, с резкими хлопками трепетали императорские знамена, которые держали их стоявшие рядом товарищи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.